

Морозовска Мирослава Павловна

ОПИСАНИЕ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

В статье производится комплексный лингвистический анализ грамматической категории падежа как объекта обучения русскому языку как иностранному. Обсуждаются различные определения термина "падеж", анализируются подходы к характеристике данного феномена и различные концепции описания падежной системы применительно к обучению русскому языку как иностранному. Делается вывод, что особый характер падежной системы русского языка делает ее одним из наиболее трудных объектов обучения в курсе русского языка как иностранного.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/1-1/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 1. С. 197-201. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

22. **ICAO Document 9835. AN / 453:** Manual on the Implementation of ICAO Language Proficiency Requirements. Second Edition. Montréal: International Civil Aviation Organization, 2010. 149 p.
23. **Master P.** Responses to ESP. California: San Jose State University, 1998. 244 p.
24. **Survival Books Military Directory** [Электронный ресурс]. URL: <http://survivablebooks.com> (дата обращения: 10.06.2017).

TEACHING PROFESSIONALLY ORIENTED ENGLISH TO FUTURE MILITARY AVIATION SPECIALISTS

Makurina Irina Yur'evna, Ph. D. in Pedagogy
Russian Air Force Military Educational and Scientific Center
"Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin" (Branch) in Chelyabinsk
Mairine@yandex.ru

The article justifies the necessity to consider the peculiarities of military service and aviation specialists' professional activity in the process of foreign language education. The author characterizes aviation English used for radio-communication and the related peculiarities of choosing the content of educational material, analyzes the differences in training civil aviation specialists and military men of the Russian Aero-Cosmic Forces. According to the author, profolization of foreign language education is one of the means to raise a professional competence of the modern military specialists.

Key words and phrases: professional communication; competences; language of radio exchange; military sphere; aviation specialists; linguistic means.

УДК 372.881.161.1

В статье производится комплексный лингвистический анализ грамматической категории падежа как объекта обучения русскому языку как иностранному. Обсуждаются различные определения термина «падеж», анализируются подходы к характеристике данного феномена и различные концепции описания падежной системы применительно к обучению русскому языку как иностранному. Делается вывод, что особый характер падежной системы русского языка делает ее одним из наиболее трудных объектов обучения в курсе русского языка как иностранного.

Ключевые слова и фразы: русский язык как иностранный; обучение грамматике; падеж; падежная система; имя существительное; окончание.

Морозовска Мирослава Павловна

Московский педагогический государственный университет
mp.morozovska@mpgu.edu

ОПИСАНИЕ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

В современном мире преподавание падежной системы остается одним из наиболее актуальных и трудных вопросов методики обучения русскому языку как иностранному (далее – РКИ). Несмотря на разнообразие методических подходов, приемов, использование самых различных педагогических технологий, которые помогают доступно и красочно представить падежную систему, обучающиеся испытывают множество проблем при определении падежа и написании падежных окончаний в именах существительных. Эти трудности связаны с самой природой падежной системы русского языка.

Целью данной работы является комплексный лингвистический анализ категории падежа, применение которого на занятиях по РКИ, как нам представляется, будет способствовать эффективности обучения и пересмотру подходов к преподаванию падежной системы.

Сам термин «падеж» имеет несколько определений. Большой энциклопедический словарь по языкознанию определяет падеж как «всякую отдельную грамему этой категории» [14, с. 114], т.е. как определенный падеж, которому противопоставляются другие конкретные падежи. В работах А. А. Зализняка падеж обозначен как грамматическая категория, которая заключена в противопоставлении двух или более конкретных падежей [3, с. 54].

В лингвистических исследованиях термин «падеж» может иметь два толкования: семантическое и формальное. Семантическое понимание падежа заключается в признании двух разных падежей при их внешней неразличимости. Конкретный падеж расценивается в этом случае как «элемент слова, определенное смысловое отношение» [Там же, с. 55]. Формальное же понимание категории падежа исходит, прежде всего, из внешней выраженности и раскрывает конкретный падеж как набор словоформ, каждая из которых может проявлять и свое основное значение, и значения одного или нескольких семантических падежей [Там же, с. 58].

В приведенных ниже определениях различных авторов также предпринимается попытка совместить формальную и смысловую стороны падежа.

Так, «Русская грамматика» дает следующее определение данного термина: «Категория падежа – это словоизменяемая категория имени, выражающаяся в системе противопоставленных друг другу рядов форм и обозначающая отношение имени к другому слову (словоформе) в составе словосочетания или предложения» [9, с. 58].

«Падеж – это форма имени, выражающая его отношение к другим словам в процессе речи, это не только форма словоизменения, но и грамматико-семантический фокус, в котором пересекаются и объединяются множество грамматических категорий, определяющих систему выражения пространственных, временных, притяжательных, причинных, целевых и других отвлеченных отношений в языке» [2, с. 38].

Падеж также описывается как «словоизменяемая» категория, с опорой на которую могут быть противопоставлены словоформы, утратившие какие-либо отличия. Смысловая характеристика не включена в саму словоформу, а образовывается в итоге взаимодействия формы имени с подчиняющей ее словоформой [8, с. 468-469].

Приведенные выше определения свидетельствуют о том, что значительные трудности возникают уже при определении понятия падежа ввиду многоаспектности и многоплановости данного явления. Падеж, будучи грамматической категорией, входит и в область морфологии (как система противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородными значениями), и в область синтаксиса (как синтаксическая связь имени с другим словом или высказыванием). В связи с этим падеж при обучении РКИ обычно рассматривается в функциональном аспекте – с точки зрения условий употребления каждого падежа (например, для выражения времени, места, причины и т.д.). Необходимость использования функционального подхода связана с тем, что в русском языке морфологическая форма слова выражает его постоянные видоизменения, несущие совокупность морфологических значений. Это имеет отношение и к падежной форме, обычно включающей в себя несколько грамматических значений (например, форма имени существительного *книгами* совмещает грамматические значения творительного падежа и множественного числа).

Проблема падежных значений находилась в центре научных интересов многих лингвистов (В. С. Чеппель, М. П. Рускова, И. П. Сусов, К. Ш. Губашева, и др.). В морфологии основными значениями падежа принято считать объектное, субъектное и определительное значения [9]. Эти три значения получают семантическую дифференциацию в зависимости от частных значений конкретного падежа. В системе значений каждого падежа выделяются центральные и периферийные значения. Таким образом, падежная система представляет собой ключевой объект обучения РКИ, прежде всего, ввиду своей комплексной лингвистической природы. Русская предложно-падежная система – один из наиболее непростых разделов грамматики, и ее освоение имеет большое значение для формирования лингвистической компетенции и развития способности обучающихся воспринимать, понимать и применять в речи предложно-падежные формы.

Н. Хомский в работах «Аспекты теории синтаксиса» и «Язык и мышление» понимает под компетенцией совокупность конкретных умений, необходимых человеку для осуществления речевых контактов и овладения языком [11; 12]. И. А. Зимняя определяет компетенцию как некоторые внутренние, потенциальные, сокрытые психологические новообразования: знания, представления, программы действий, систем ценностей и отношений, которые затем выявляются в компетентностях человека [4, с. 26].

Студентам, изучающим РКИ, следует усвоить не только форму, но и обобщенную семантику формы и ее функцию, что лежит в основе правильного построения речи. Следовательно, в общепринятую идею образования лингвистической компетенции «от формы к функции» или «от функции к форме» нужно в практике работы с иностранными учащимися включить третий компонент – семантический: «от формы – к семантике – к функции» или наоборот.

Изучение падежной системы играет важную роль в овладении РКИ, что отмечается многими лингводидактами и языковедами, такими как Н. В. Уфимцева, О. М. Аркадьева, Л. Г. Инчина, З. Д. Попова, М. Хасенова и др. Освоение падежа в курсе РКИ строится на теоретическом изучении данной категории, рассмотрении разных ее сторон – формы, функции, семантики и т.д. Падеж понимается исследователями как морфологический, морфолого-синтаксический и чисто синтаксический феномен.

Категории падежа, как было представлено выше, свойственна разносторонность, многоплановость, но обычно она рассматривается в курсе РКИ в аспекте функционального подхода. Тем временем она связана с синтаксисом, вследствие чего требуется ее рассмотрение и в синтаксическом плане. А. М. Пешковский описывал падеж как синтаксическое явление [7, с. 134]. Отношение падежа к синтаксису неопровержимо, поскольку на этом уровне представляются нам его функции. Тем не менее парадигматика падежей представляет собой морфологическую характеристику слова, что отмечается многими исследователями (Г. А. Золотова, Ю. Ю. Карклин, Л. В. Решетова и др.).

Описание падежной системы русского языка в учебных целях производится на основе ряда принципов и подходов, в том числе:

1) принципа комплексности, по которому падежная система должна изучаться в тесной связи с другими грамматическими категориями. Данный принцип обуславливает также при обучении употреблению падежей в речи обращение к лексическим характеристикам слов (*на улице, но в переулке, во дворе, но в лесу* и т.д.);

2) принципа функциональности, который заключается в описании языкового материала с учетом содержания конкретного высказывания. Он также предполагает отказ от противопоставления формы и значения грамматического явления. Данный принцип включает в себя два подхода в представлении языкового материала:

– системно-структурный – «введение материала на основе логико-смысловых категорий, т.е. с учетом выражаемых синтаксических отношений (функций), которые образуют логическую основу высказывания (выражение субъектно-предикативных отношений и др.)» [1, с. 32];

– функционально-смысловой – усвоение грамматического материала «в соответствии с содержанием высказывания... (выражение классификации лица, выражение признака предмета и т.д.)» [Там же]. Другими

словами, принцип функциональности требует предъявления языкового материала в той последовательности, которая необходима для успешной коммуникации. При этом возможна презентация разных грамматических явлений в пределах одной темы [5, с. 37];

3) коммуникативно-прагматического подхода, в соответствии с которым язык трактуется, в первую очередь, как средство общения и внимание концентрируется на коммуникативных единицах, в то же время в центр описания попадают единицы общения, употребляемые в определенной ситуации. Коммуникативно-прагматический подход к описанию языка использует понятия «ситуация», «сфера общения» [13, с. 23]. Он предполагает, например, использование устойчивых форм общения (например, в вопросе *Вы выходите на следующей?*) [10, с. 27];

4) контрастивного подхода к описанию языка, который подразумевает выявление сходств и отличий русского и родного языков.

Прежде чем перейти собственно к методическим аспектам обучения падежной системе русского языка, представляется необходимым подробно описать все особенности падежа как грамматической категории. В силу комплексной природы данного явления существует целый ряд попыток описания падежной системы русского языка.

Так, в классической «Грамматике русского языка» Академии наук СССР (1953 г.) в система склонения в русском языке выделяется шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный. Также упоминается, что система падежей коррелирует с категорией числа – существительные имеют формы единственного и множественного числа. Кроме того, все имена существительные могут быть отнесены к мужскому, женскому или среднему грамматическим родам, а также разделяются на одушевленные и неодушевленные. Также выделяются три типа склонения, которые имеют отличия только в падежных формах единственного числа, а окончания падежей во множественном числе практически полностью совпадают.

Таким образом, для описания падежной системы необходимо определить общие значения наличествующих в языке падежных форм. Сделать это возможно, лишь анализируя всю падежную систему в целом, при этом сопоставляя определенные падежные формы. Р. Якобсон также подчеркивает, что падеж по своей природе является морфологической, а не синтаксической категорией; и поэтому функции падежа не обязательно должны быть связаны с синтаксическими функциями [15, р. 63]. Суть его работы – дать представление о падежной системе, основанной на морфологических корреляциях. При этом Р. Якобсон пытается избежать выделения индивидуальных значений отдельных падежей, определяя вместо этого основную функцию каждого падежа. Он утверждает, что у каждого падежа есть несколько значений, которые образуют иерархическую систему. Определение этих значений возможно с помощью синтаксиса.

Краткое описание русской падежной системы, предлагаемой Р. Якобсоном, выглядит следующим образом.

Вся парадигма включает восемь падежей: номинативный (именительный падеж), аккузативный (винительный падеж), первый генитивный (родительный падеж), второй генитивный (партитивный с окончанием на -у в I склонении мужского рода с нулевыми окончаниями в именительном падеже, инструментальный (творительный падеж), дативный (дательный падеж), первый локативный и второй локативный (с окончанием на -у в I скл. м. р. с нулевыми окончаниями в именительном падеже, а также с окончанием на -и у некоторых им. сущ. ж. р. с нулевыми окончаниями в именительном падеже) [Ibidem, р. 95].

Представляется необходимым пояснить аргументацию автора, когда он выделяет второй генитивный и второй локативный падежи, поскольку именно ими парадигма Р. Якобсона отличается от традиционной парадигмы шести падежей. Второй генитивный падеж (далее – Г2), в противопоставлении первому (далее – Г1), и второй локативный падеж (далее – Л2), в противопоставлении первому (далее – Л1), имеют свои формальные показатели – особые окончания. Они возможны только в случае существования форм Г1 и Л1. Наконец, именно в оппозиции к Г1 и Л1 они обозначают, как пишет Р. Якобсон, что их референты находятся в состоянии формирования, в то время как референты форм Г1 и Л1 являются самой формой [Ibidem, р. 92].

Формы Г1 и Г2 не являются взаимозаменяемыми в одном и том же контексте: *недостаток чаю* (не хватает определенного количества) ≠ *недостаток чая* (нет чая), *он купил сахару* (ограниченное количество) ≠ *он купил сахара* (сам факт покупки определенного вещества). Так же как и формы Л1 и Л2 – *В лесу много птиц* ≠ *В лесу мне не нравится темнота* – обозначают разные свойства референта *лес*: в первом примере речь идет о конкретном лесе, которому свойственно большое наличие птиц; во втором примере речь идет об абстрактном лесе, в котором темно не по объективным, а по субъективным причинам. Р. Якобсон отмечает интересную закономерность в появлении Г2 и Л2, если эти словоформы определяются атрибутом: чем необычной атрибут, чем сильнее он выделяет референта, тем более Г2 и Л2 уступают место Г1 и Л1: *в родном краю – в экзотическом крае*.

Система Р. Якобсона может быть представлена в следующем виде:

Традиционный подход	Подход Р. Якобсона
Им. п.	Им. п.
Род. п.	Род. п. 1 + Род. п. 2
Дат. п.	Дат. п.
Вин. п.	Вин. п.
Тв. п.	Тв. п.
Пр. п.	Пр. п. 1 + Пр. п. 2
6 ≠	8

Наконец, существует еще один вариант описания падежной системы, предлагаемый И. А. Мельчуком. Его работа представляет собой структуралистический подход к грамматике, а значит, и к вопросу о количестве падежей в русском языке. Это не является критически важным для данного исследования, поскольку очевидно, что авторы разных лингвистических школ подходят к вопросу о русской падежной системе по-разному. Нас больше интересуют сами системы и различия между ними, а также объясняющий потенциал каждой системы в аспекте преподавания РКИ [6, с. 46].

В работе И. А. Мельчука дается несколько разных характеристик падежа (например, первичные – вторичные, простые – составные, синтаксические – семантические). Здесь мы ограничимся обзором выделенных автором падежей, а также оппозицией самостоятельный – несамостоятельный падеж [Там же, с. 49].

И. А. Мельчук утверждает, что падежная система русского языка состоит из десяти падежей. Он делает четкое разграничение между полными (теми, которые распространяются на все существительные) и частичными (теми, которые распространяются только на определенное число существительных) падежами. Таким образом, согласно автору, в падежную систему входят: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный падежи, являющиеся полными, а также партитив, локатив, вокатив и аднумератив, являющиеся неполными [Там же, с. 56]. Первые шесть падежей, упомянутых автором, совпадают с падежной системой в ее традиционном понимании и поэтому не требуют комментариев, но на оставшихся четырех частичных падежах остановимся подробнее.

Согласно автору, партитив – это падежная форма, обозначающая неопределенное количество. В сущности своей, это та же форма родительного падежа единственного числа I склонения, которая заканчивается на -у/-ю: *немного сахара/чаю*. И. А. Мельчук подчеркивает, что партитив не является самостоятельным падежом потому, что его показатель совпадает с показателем дательного падежа единственного числа.

Локатив – это падежная форма, обозначающая локализацию или ориентацию. По сути, это та же форма предложного падежа единственного числа I склонения, которая заканчивается на -у́/-ю: *в лесу, в саду*, но отличается от предложного падежа единственного числа, признаком которого, по словам автора, является окончание -е: *в лесе, в саде*. Он не уточняет, считает ли эту падежную форму самостоятельной, но, судя по его аргументам, она должна была бы быть самостоятельной потому, что имеет свой показатель, а именно окончание -у́ [Там же, с. 58].

Вокатив – это падежная форма, обозначающая обращение и встречаемая только в разговорной речи: *Толь! Наташ!* Автор не упоминает о таких архаических формах, как *Боже, господи, отче*. Следует заметить, что и эту форму И. А. Мельчук не трактует как самостоятельный падеж потому, что только в разговорной речи она формально отличается от формы именительного падежа, т.е. имеет нулевое окончание. Кроме того, она не контролирует согласования, например, имен прилагательных, т.е. имена прилагательные, употребленные с именем существительным в вокативе, не получают особого вокативного окончания: *Милая, Наташ!* или *Наташ, милая!*

Аднумератив – это падежная форма, которой обладают только три имени существительных *шага́, рядá, часá* в сочетаниях с числительными *два, три и четыре*. Другими словами, вышеприведенные формы аднумератива дублируют им. п. / вин. п. мн. ч., выступая вместе с этими числительными: *шаги ≠ два шага́, ряды ≠ три рядá, часы ≠ четыре часá*. Автор не уточняет, считает ли он эту падежную форму самостоятельной, но на основании его аргументов, приведенных в анализе других падежных форм, напрашивается вывод, что данная форма считается самостоятельным падежом потому, что она имеет свой показатель – окончание -á, которое не совпадает ни с каким другим показателем [Там же, с. 65].

Противопоставим падежные формы, выделяемые И. А. Мельчуком, традиционным:

Традиционный подход	Подход И. А. Мельчука
Им. п.	Им. п.
Род. п.	Род. п. + Партитив
Дат. п.	Дат. п.
Вин. п.	Вин. п.
Тв. п.	Тв. п.
Пр. п.	Пр. п. + Локатив
	Вокатив
	Аднумератив
6 ≠	10

Как видим, категория падежа является очень сложной грамматической категорией, для обсуждения которой требуется не один том рассуждений. Очевидно, что особый характер падежной системы русского языка делает ее одним из наиболее трудных, если не самым трудным объектом обучения в курсе РКИ. Этим обусловлено многообразие подходов к преподаванию падежной системы.

Приведенный выше анализ особенностей категории падежа объясняет, что развитие навыков и умений грамматически правильной речи применительно к падежной системе требует очень больших усилий от обучающегося и большого количества аудиторной и самостоятельной работы. Значительные трудности у преподавателей и обучающихся вызывает подача грамматического материала, посвященного падежам. Несмотря на разнообразие методик, приемов, использование различных педагогических технологий, которые помогают доступно и красочно представить падежную систему, обучающиеся испытывают множество проблем при определении падежа и написании падежных окончаний в именах существительных. Как представляется, преодоление этих трудностей может обеспечить широкое использование мультимедийных технологий, прежде всего средств

видеонаглядности с комплексом интерактивных упражнений. Эти средства дают возможность не только развивать различные виды речевой деятельности, но и сочетать их в разнообразных комбинациях, что способствует осознанию языковых явлений и формированию языковой, речевой и коммуникативной компетенций.

Список источников

1. Баранов М. Т., Ипполитова Н. А., Ладыженская Т. А. и др. Методика преподавания русского языка в школе: учебник. М.: Академия, 2001. 368 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове: учеб. пособие. Изд-е 2-е. М.: Высшая школа, 1972. 601 с.
3. Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования / под ред. А. А. Зализняка. М.: Наука, 1973. С. 53-87.
4. Зимняя И. А. Иерархическо-компонентная структура воспитательной деятельности // Воспитательная деятельность как объект анализа и оценивания / под общ. ред. И. А. Зимней. М., 2003. С. 24-47.
5. Костомаров В. Г., Митрофанова О. Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. М.: Русский язык, 1976. 137 с.
6. Мельчук И. А. Курс общей морфологии: в 5-ти т. М. – Вена: Языки русской культуры; Прогресс; Венский славистический альманах, 1997. Т. 1. 416 с.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
8. Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология: учебник. М.: Изд-во Мос. ун-та; ЧеРо, 1997. 480 с.
9. Русская грамматика: в 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 789 с.
10. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. 291 с.
11. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1965. 129 с.
12. Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1972. 126 с.
13. Шелякин М. А. Язык и человек. К проблеме мотивированности языковой системы. М.: Флинта; Наука, 2005. 296 с.
14. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Изд-е 2-е. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
15. Jakobson R. Russian and Slavic Grammar Studies 1931-1981. Berlin – N. Y. – Amsterdam: Mouton Publishers, 1984. 160 p.

**DESCRIPTION OF THE RUSSIAN LANGUAGE SYSTEM
OF GRAMMATICAL CASES FOR FOREIGN STUDENTS**

Morozovska Miroslava Pavlovna
Moscow State University of Education
mp.morozovska@mpgu.edu

In the article the comprehensive linguistic analysis of the grammatical category of the case as an object of teaching Russian as a foreign language is presented. Different definitions of the term “grammatical case” are discussed, the approaches to the characterization of this phenomenon and the various conceptions of the description of the system of grammatical cases with regard to teaching Russian as a foreign language are analyzed. It is concluded that the special character of the case system of the Russian language makes it one of the most difficult objects of teaching in the course of Russian as a foreign language.

Key words and phrases: Russian as foreign language; teaching grammar; grammatical case; system of grammatical cases; noun; ending.

УДК 372.881.161

В данной статье анализируются особенности описания русских пословиц в словарях разных типов. Подчеркивается необходимость их лингвокультурологического комментирования с учетом адресата – иноязычного студента. Особое внимание уделяется словарной разработке трансформаций русских пословиц. Доказывается целесообразность их репрезентации иностранным студентам-филологам, журналистам и специалистам по связям с общественностью. Приводятся примеры словарных статей, созданных в рамках авторской концепции.

Ключевые слова и фразы: русский язык как иностранный; пословица; трансформации пословиц; лингвокультурологический комментарий; словарная статья.

Мурашова Наталья Валерьевна
Псковский государственный университет
Natalia081290@yandex.ru

**РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ИХ СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В УЧЕБНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫМ СТУДЕНТАМ**

В настоящее время русские пословицы разрабатываются в словарях разных типов и активно изучаются с лингвокультурологической точки зрения (труды Л. Б. Савенковой [28], Е. Д. Аксеновой [1], Н. В. Баско [4],